

А.И. Кобзев

ИВ РАН

М.Ю. Ульянов

ИСАА при МГУ

Даосский темперамент и конфуцианский стиль

(к 65-летию со дня рождения

Артемия Михайловича Карапетьянца)

27 мая 2008 г. исполнилось 65 лет Артемию Михайловичу Карапетьянцу, выдающемуся отечественному китаисту, доктору филологических наук и профессору, выпускнику, многолетнему преподавателю и заведующему кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, счастливо совмещающему в себе несколько ипостасей ученого-востоковеда: лингвиста, источниковеда, текстолога, историка философии и науки, культуролога, переводчика и педагога.

В его научном творчестве явно просматриваются три неразрывно связанные составляющие: 1) источниковедение и текстология, 2) философское каноноведение, исследование традиционной китайской методологии (системологии, нумерологии) и в целом научной мысли, 3) лингвистический анализ классического и современного китайского языка, разработка методики их преподавания и создание соответствующих учебников. В институтской жизни можно выделить также три периода: 1) исследователь и преподаватель, 2) мыслитель, педагог и руководитель научного семинара, 3) заведующий кафедрой и заслуженный профессор.

В первый период – десятилетие после окончания ИСАА (1966–1975) – главное место занимал твердо основанный на тщательном исследовании китайского языка (в частности, отразившемся в кандидатской диссертации «Временная организация китайского потока речи», 1969) лингвистический и текстологический анализ практически всех важнейших памятников Древнего Китая: «Шу цзин», «Ши цзин», «Чунь цю», «Го юй», «Лунь юй», «Чжуан-цзы», «Мэн-цзы», «Мо-цзы», «Сюнь-цзы», «Гунсунь

© Кобзев А.И., Ульянов М.Ю., 2009

Лун-цзы». Если в начале пути его интересовали безусловно значимые, но сравнительно узкие задачи – разработка методик определения разнородности (временной и диалектной) текстов, то итогом стало рассмотрение системы канонов как формы фиксации и хранения древней культуры, и исследование доциньского конфуцианства как хранителя этой формы и носителя культурной традиции, а не просто одной из философских школ.

Второй период – полтора десятилетия (1976–1991), когда А.М. Карапетьянц вошел в число виднейших российских (тогда – советских) синологов, связан с изучением оригинальной общепознавательной методологии, позднее названной им системологией, и вообще фундаментальных основ философской и научной мысли в традиционном Китае. Он начался с глубокого изучения, редактирования и рецензирования совершенно новаторской работы, значимость которой трудно переоценить для развития отечественной синологии, – монографии В.С. Спирина (1929–2002) «Построение древнекитайских текстов» (М., 1976). В рецензии, ставшей самостоятельным научным исследованием (Народы Азии и Африки, 1978, № 2), А.М. Карапетьянц сравнил ее, в силу сложности и оригинальности не понимавшуюся большинством специалистов, с величайшими открытиями в изучении китайской культуры. Освоив разработанную В.С. Спириным структурно-семиотическую методику, А.М. Карапетьянц не только сам принялся ее творчески развивать, но и как незаурядный педагог привлек к этому осваивавших только что созданный им оригинальный учебник *вэньяня* более молодых синологов (А.И. Кобзева, А.А. Крушинского, М.В. Исаеву, В.В. Дорофееву-Лихтман и др.), которые затем привлекли представителей следующего поколения ученых, в результате чего возникло новое и самобытное – структуралистское – направление в отечественном китаеведении, чьи лидеры, к примеру, уже в 1989 г. возглавляли индекс цитируемости по данным за 20 лет выпуска материалов конференции «Общество и государство в Китае». Это был, бесспорно, самый интересный и плодотворный период творческой биографии юбиляра. Все чаще он заразительно для других обращался к анализу «Чжоу и» / «И цзина» («Канона Перемен») как самого главного методологического канона, китайской «книги книг», являющейся ключом к тайнам «символов и чисел» (*сян шу*), универсального классификационизма и коррелятивного (категориального, ассоциативного) мышления, определяющих неповторимую специфику китайской культуры. Это время стало расцветом педагогической деятельности А.М. Карапетьянца, который организовал научный семинар, наполненный небывалым эвристическим духом и ставший заметным явлением в синологии. Итоги этого периода, завершившегося в знаменательной синхронии с падением СССР, были подведены в двух фундаментальных работах, которые автор в силу сложных обстоятельств той поры (1989 и 1990 гг.) опубликовал мизерным тиражом и скромно назвал препринтом.

В 1992 г. он защитил докторскую диссертацию «Типология основных единиц китайского языка», стал заведовать кафедрой китайской филологии в ИСАА, и начался новый – длящийся уже более полутора десятка лет период, для которого характерны углубление в иэцинистику, синтез накопленных знаний и обобщающие размышления об особенностях китайской цивилизации. Обладая незаурядным опытом анализа и перевода самых сложных китайских текстов, А.М. Карапетьянц единственный из синологов-классиков смог продолжить уникальный перевод «Ши цзи» («Исторических записок») Сыма Цяня (т. 8, издан в 2002 г.) после кончины не успевшего завершить эту работу Р.В. Вяткина (1910–1995).

Все это время А.М. Карапетьянц сохранял верность лингвистике, видя именно в ней свою базовую специальность, охватывающую весьма широкий круг проблем. Начал он с дешифровки киданьского письма, затем углубился в изучение тонов, фонетики и фонологии, активно занимался историей китайского языка, лексикологией, иероглификой, грамматикой, семантикой, создав вместе со своей женой и ближайшей сотрудницей Тань Аошуан множество ценнейших учебных пособий и учебников по современному и классическому китайскому языку. Долгое время А.М. Карапетьянц является членом правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка, руководит Всероссийской ассоциацией преподавателей китайского языка, является главным редактором альманаха «Изучение китайского языка».

Авторы этих строк, имевшие счастливую возможность в течение десятилетий при личном общении соприкоснуться с многочисленными талантами и экстраординарными качествами Артемия Михайловича, настоящим стремятся засвидетельствовать глубочайшее к нему уважение и неизменную благодарность со стороны всех знающих его очно и заочно коллег за бескорыстное и самоотверженное служение науке, а также выразить самые искренние пожелания крепкого здоровья, долгой и плодотворной творческой жизни (万寿无疆).